

РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ АНТИЧНОГО МИФА В СТРУКТУРЕ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «МЕДЕЯ И ЕЕ ДЕТИ»

Заглавие художественного текста представляет собой один из существеннейших элементов композиции художественного произведения со своей поэтикой [1]. «Оно никогда не является простым индексом знакового комплекса, но всегда — символом некоторого смысла», — утверждает В.И. Тюпа [4, с. 24]. Заглавие, таким образом, всегда несет особую смысловую нагрузку, задает определенный «горизонт ожидания», даже предполагает определенную читательскую рецепцию, делается, таким образом, своеобразный расчет на специфику восприятия своего потенциального читателя.

Название романа современной российской писательницы Л. Улицкой однозначно ориентирует читателя на древнегреческий миф о трагической судьбе Медеи, дочери царя Колхиды Ээта. Согласно мифу, покровительствующие аргонавтам боги, внушили Медеи страстную любовь к Ясону. За обещание жениться на ней, героиня помогла преодолеть Ясону все испытания, которым подверг его Ээт, она покинула родину, пошла на преступления и отомстила изменившему ей мужу убийством детей. Таким образом, название романа Улицкой «задает» конкретную тему, становится «говорящим», настраивая читателя на трагическую историю обманутой женщины. Метафоричность названия является мощным объединяющим фактором всего произведения в общепринятом понимании этого слова. Уже в нем заложена функция самоописания художественной системы, те правила и закономерности построения, которые по Ю.М. Лотману, не дают ей «потерять единство» и «расползтись» тексту [3, с. 255]. Итак, «читательские ожидания» в данном случае связаны с древнегреческим мифом о Мееде. Однако с первых же страниц романа становится ясно, что этим «ожиданиям» не суждено сбыться. Все в героини Улицкой — полная противоположность древнегреческой Медеи. Она таврическая гречанка, никогда не помышлявшая покинуть родные места, вдова еврея-дантиста, с которым она счастливо прожили свой супружеский век, но не произвела потомства. А детьми для Медеи Улицкой стали многочисленные дети ее родни: осиротевшие братья и сестра, многочисленные племянники и внучатые племянники (ведь у родителей Медеи было тринадцать детей), которых она каждый год собирала в своём доме в Крыму, в поселке вблизи Феодосии.

Тем не менее, импульс мифа, заданный заглавием, все отчетливее проявляется с каждой страницей романа.

Медея Мендес красива: «<...> выглядела, словно какой-то не написанный Гойей портрет» [5, с. 4]. Она сдержана, рассудительна. Другие черты характера будут проясняться по мере углубления в текст.

Тема «Медея и её дети» реализуется через структуру художественного пространства, организация которого осуществляется, прежде всего, сюжетом романа. «В основе понятия сюжет, – пишет Ю.М. Лотман, – лежит представление о событии» [2, с.222], а А.Н. Веселовский определяет событие как мотив, называя его простейшей повествовательной единицей, обосновав это положение в «Поэтике сюжетов». Ученый рассматривал повторяющиеся мотивы как микросюжеты в повествовательных жанрах разных народов, понимая их как основы «предания», «поэтического языка», унаследованного из прошлого. В этом аспекте древнегреческий миф, миф-слово является наиболее древним и наиболее устойчивым феноменом.

Событие, согласно Ю.М. Лотману, тогда становится единицей сюжетосложения, когда происходит перемещение персонажа через границу семантического поля [2, с. 224]. С учетом этого, исследователь поделил тексты на бессюжетные и сюжетные. «Бессюжетные тексты имеют отчетливо классификационный характер, они утверждают некоторый мир и его устройство» [2, с. 226]. «Сюжетный текст строится на основе бессюжетного как его отрицание» [2, с. 227]. В сюжетном тексте «выделяются две группы персонажей – подвижные и неподвижные. Неподвижные – подчиняются структуре основного, бессюжетного типа». «Подвижный персонаж – лицо, имеющее право на пересечение границы» [2, с. 228]. Воспользуемся полученным инструментарием для дешифровки избранного романа.

Итак, в первых двух главах, из которых мы узнали почти всё о Мееде, практически нет событий. Функции этих глав – смоделировать универсум романа, «картину мира» семьи Синопли, хранительницей которой станет Медея. Она единственная из тринадцати детей останется на родине, сохранит «изношенный полнозвучный язык» предков и будет жить, как отметил её муж, по какому-то своему закону, взяв на себя добровольное обязательство растить младших братьев и сестру, трудиться, молиться, соблюдать посты. Медея – это «постоянная величина» мира поселка. В тексте это подчеркивается так: «Для местных жителей Медея Мендес давно уже была частью пейзажа» [5, с. 4]. Медея перемещается внутри романного пространства как связующее звено между всеми персонажами. Но она «не строит» сюжет, так как не совершает «события», не переходит ни одной границы. Медея – персонаж неподвижный, недействующий, текущий по реке жизни. Она наблюдает за родом Синопли, за распределением наследственных признаков, типа рыжести от матери или укороченного дедова мизинца, достававшегося почему-то только мальчикам. Она не вмешивается в события даже тогда, когда это по-обывательски необходимо: не упрекает брата Федора, что прижил «на стороне» сына, не препятствует расчесыванию любовного зуда у племянницы Ники и внучатой племянницы Маши. Сестра Александра скажет, что Медея праведница. Точное определение, касающееся не только сути характера героини, но и её роли в структуре романа. Праведниками есть те, кто не переступают запрещенной границы.

Действующими персонажами выступают «дети» Медеи. Они «строят» сюжет, который имеет сложную, нелинейную, а скорее ризоморфную структуру. Основное событие, формирующее сквозной сюжет романа, – завязавшийся летом в Крыму, во время отдыха у Медеи любовный треугольник: племянница Ника – внучатая племянница Маша (дочь и внучка сестры Александры, по-домашнему – Сандрочки) – гость соседней Медеи – Бутонов. Это событие растянуто во времени и пространстве: начавшись в Крыму, оно будет перемещено в Москву, где и последует трагическая развязка – суицид Маши. Но инерция ритма этого события будет постоянно нарушаться сменой планов повествования о других событиях, составляющих историю семьи Синопли и самой Медеи, выступающих как равноправные элементы единого синтагматического построения текста, усложняющих его, обеспечивающих художественной структуре постоянное сопротивление предсказуемости

«Закрывает» роман эпилог, который несет важную информацию: Медеи уже нет в живых, но её мечта – вернуть Синопли на родную крымскую землю – осуществилась. Рядом с её старым домом обосновался племянник Георгий, к которому приезжают «Медеины потомки – русские, литовские, грузинские, корейские» [5. с.287].

Таким образом, обнажив структуру всего романа, вернёмся к проблеме воплощения темы в тексте. Почему же рассказ о потомках Матильды, сбежавшей от законного мужа с Кавказа и породившей многочисленное потомство в Крыму, переименован в рассказ о Медее, её дочери? В начале мы выяснили, что автор применил приём неожиданности: задав тексту названием меру условности, начал борьбу с ней, используя минус-приём. Однако, чем дальше разветвлялась структура текста, тем больше возникало ощущение присутствия мифологической аллюзии в романе. Это можно проследить на уровне внетекстовых связей и смыслового параллелизма. Мифологическая Медея пострадала от предательства. Этот же мотив-событие образует в романе Л. Улицкой внутритекстовый повтор – семантическую парадигму, вхождение в которую раскрывает смысл мотива предательства на более высоком, обобщающем уровне. Действие измены совершает весь род: мать, сын, дочь, зять, внучка, правнучка. Предательство Матильды передалось всему роду и причудливо трансформировалось в потомках. Только Медея не включается в это действие. На этом смысловой параллелизм с мифологической Медеей исчерпывается. Героиня Л. Улицкой не совершает «первородной» измены: не предаёт семью, не бросает осиротевших братьев и сестёр и в свои шестнадцать лет заменяет им мать. Поэтому не Матильда, а она становится константом рода. В структуре же романа образ Медеи выполняет функцию рамы: она начало и конец сюжета, она же определила формат развития семьи, которая функционирует и после её смерти.

В романе творится новый миф о Медее, ибо она – Медея другого времени, другой культуры. В отличие от своей тёзки, она потомок эллинов и

поэтому их «мифологические» пути расходятся. Ей, бездетной, вручается функция материнства (в эпилоге так и говорится – «Медеины потомки»); пережив двойную измену сестры и мужа – «родственное преступление», она ещё преданнее любит покойного мужа и в конце романа прощает сестру; она бережёт каждого потомка Синопли, даже если он безнадежно болен, как сын Гвидаса. Это, по-сути, анти-Медея, какой может стать любая женщина, живущая в Высшей воле, а не в своеволии, как мифологическая Медея.

Литература

1. Веселова Н.А., Орлицкий Ю.Б., Скороходова М.В. Поэтика заглавия: Материалы к библиографии // Лит. текст: Проблемы и методы исследования. III. Тверь, 1997.
2. Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: Искусство-СПб, 1998. – 704 с.
3. Лотман Ю.М. Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки – СПб.: «Искусство-СПб», 2000. – 704 с.
4. В.И. Тюпа. Произведение и его имя // Литературный текст: Проблемы и методы исследования / Аспекты теоретической поэтики: К 60-летию Натана Давидовича Тamarченко: Сб. науч. трудов. — М.; Тверь, 2000. — Вып. VI. — С. 24–35.
5. Улицкая Л. Медея и её дети: Роман. – М., 2002.

Анотація

Бабич Ю.В. Реінтерпретація античного міфу в структурі роману Л.Улицької «Медея та її діти».

В статті розглядається проблема реінтерпретації античного міфу в структурі роману Л.Улицької «Медея та її діти». Аналізуючи твір, виникає відчуття присутності мифологічної алюзії в романі, що простежується на рівні внетекстових зв'язків та смислового паралелізму. В романі є внутрішньотекстовий повтор – семантична парадигма, яка розкриває сенс мотиву зради на загальному рівні.

Ключові слова: міф, сюжет, паралелізм, алюзія, роман, структура, мотив, реінтерпретація.

Аннотация

Бабич Ю.В. Реинтерпретация античного мифа в структуре романа Л.Улицкой «Медея и ее дети».

В статье рассматривается проблема реинтерпретации античного мифа в структуре романа Л. Улицкой «Медея и ее дети». Анализируя произведение, возникает ощущение присутствия мифологической аллюзии в романе, что прослеживается на уровне внетекстовых связей и смыслового параллелизма. В

романе присутствует внутритекстовый повтор – семантическая парадигма, которая раскрывает смысл мотива предательства на обобщающем уровне.

Ключевые слова: миф, сюжет, параллелизм, аллюзия, роман, структура, мотив, реинтерпретация.

Summary

Babich Yu.V. Reinterpreting the ancient myth in the structure of the novel «Medea and her children» by Lyudmila Ulitskaya.

The article looks at the problem of reinterpreting the ancient myth in the structure of the novel «Medea and her children» by Lyudmila Ulitskaya. While analyzing this work, there arises a feeling of the presence of the mythological allusion in the novel and this can be traced at the level of non-textual connections and semantic parallelism. In the novel there is intratextual repetition – semantic paradigm which exposes the reason for treachery at the general level.

Key words: myth, plot, parallelism, allusion, novel, structure, motive, reinterpreting.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором кафедры теории и практики перевода Ивано-Франковского национального технического университета нефти и газа Дербеневой Л.В.